

Геннадий Копытов

Кафе «Инферно»



Геннадий Копытов

Кафе «Инферно»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42350452

ISBN 9785449667229

Аннотация

Сейчас модным стало называть этот жанр фэнтези, но я скромно обозначу его как мистика. Герои новеллы где-то рядом с нами. Небезразличные и настоящие.

Кафе «Инферно»

Геннадий Копытов

© Геннадий Копытов, 2019

ISBN 978-5-4496-6722-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кафе Инферно. Мистика

[Геннадий Копытов](#)

Satisfy the Royal lust is a
Task of state importance!

– И эти звери в людских личинах,
пожирающие всех вокруг,
называют славян – варварами?

1.

В октябре того памятного года, без торжественной барабанной дроби, Фёдор Айсвей, был выставлен на улицу из студенческого общежития, с формулировкой: «...за хроническое нарушение внутреннего режима».

С жалким скарбом, состоящим из двух десятков книг

аллегорически-философского содержания, без направления, цели, вдохновения и денег, он пересек границы университетского городка.

И обозрел он улицы городские, но не суматоху весёлую их, не скольжения безмерное транспорта, а безрадостный метущий отблеск, болотных луж глинистой воды.

Он воспользовался автобусом, не заметив его нумерации и сошел, через несколько остановок. Немного прошелся и наткнулся на незнакомый сквер. Вход оформляла трехгранная стелла и барельеф черного гранита с фигурами, хаотично поддерживающими друг друга и звёздно-серпастые стяги. Федька с уважением потрогал рельефные фигурки, не сомневаясь ни на секунду, в глубочайшем замысле творца сего монумента...

Прошел под узкой гранитной аркой и расположился на сырой скамейке, с единственной лишь целью – отдохнуть и явственно обнулить вероятность ночлега, каковая, всё ещё равнялась – ноль в периоде.

Ему было дико грустно, одиноко и холодно. Осознав-таки, что шансов на ночлег нет, он успокоился и стал прочувствовать свое состояние знакомыми категориями. В эти моменты, обыкновенно, приходило ощущение парения над мрач-

ным городом.

Холодный туман, словно дым, низко стелился над землёй, переползал реки, с застывшей неподвижной ледяной водой, в непрозрачный темноте которой чувствовалось накопление льда.

И ветер являлся вдруг, разгонял туман, отделял последние листья с одиноких деревьев и швырял их в воду, и топил их.

По периметру сквера, в заледенелых, зыбких кустах акаций, с отчаянным стуком и хрустом, скакали безнадёжно замёрзшие, голодные воробьи...

Федя оценил их грустную ситуацию, но в его карманах не было, даже хлебных крошек. А так хотелось, по барски, оторвать сыпучую корку от буханки и раскрошить перед кустами...

– Существует ли выход? – вслух подумал Фёдор: – из пределов одиночества, отсутствия жилья и финансовых средств?...Надо было не на «физмат», а на «финуч» поступать!...

В этот миг в сквере произошла, будто смена декораций и прибавилось освещение. В замешательстве он попытался определить источник эманаций. Кроме молодой женщины,

на соседней лавочке, никого не было. Неужели это она? Её внезапное появление озаарило его, и он ясно различил истечение ауры вокруг её силуэта, в виде серо-желтого сияния. Нечто невероятное должно случиться с ней, возможно сейчас, но хорошее или дурное? Он не знал! Но поражённый и смущенный догадался, что ей необходима помощь!

Ему казалось – в какой-то из жизней, он хорошо знал её, даже очень близко и это придавало уверенности. Нервно начал он двигаться, оправляя несвежую одежду и пряча книги под скамейку, вскакивал и сразу же садился. Решительно поднялся, но обежав лавку, вновь опустился на неё. Врожденная скромность и робость, в обществе девушек, были его бичом...

Женщина удивленно разглядывала его. Её, видимо, насторожило, столь, нервное соседство, и она склонна была предположить в Фёдоре: молодого алкоголика, либо старого наркомана, либо маниакально озабоченного ловеласа...

Она быстро поднялась и стала удаляться к воротам сквера.

– Её нужно предупредить! – отчаянно думает он, хватая свою поклажу и устремляясь за девушкой.

Светлое пальто неизвестной удаляется невероятно быст-

ро, вниз по улице так, что Федор не поспевает со своей ношей. Но он не решался приблизиться к ней, ибо не знал еще, как здравосудно пояснить смысл, столь странного, своего поведения и опасения, относительно неё.

А она удалялась от центра города, всё дальше и дальше, по грязным темным улочкам, изредка бросая назад, быстрые опасливые взгляды. Фёдору, отчего-то, это кроссирование напомнило, подобие преследования Пискаревым Дианы из дома терпимости. Он рассмеялся...

Удивленный он понял, что находится на какой-то окраине, в лабиринте грязных лачуг. Женщина исчезла внезапно. Он пребывал в недоумении, не зная этих мест, был голоден и страшно устал от погони за фантомом – неизвестной. А может, это даже, не неизвестная, а... Суккуб, и он опять рассмеялся.

Невероятно глупая, непростительная, неврастеническая привычка видеть всё в мрачных мистических тонах. Еще ляпни про «Магна Матер Диви, Красную тинктуру, или Потестас Магнум Универсум».

Федя подошел к низкому угрюмому зданию, которое перекрывало улицу поперёк. Левый нижний угол здания был подсвечен бледно – синим, неоновым светом. Это был старинный двухэтажный особняк, с извращенной ветвистой ко-

лоннадой и развесистой капителью. Низкая дверь, а над ней острые неоновые буквы, под «готику» гласили:

«Кафе Инферно»!

Федя подивился мудреному названию окраинного кафе... Чего только эти предприниматели не придумают для рекламы. Потянул узкую дверь, с прибитой в центре, позеленевшим медным гвоздем, пластифицированной облезлой козлиной башкой, и втиснулся в помещение, внутренность которого, мало сказать, была странной – невероятной!

Низкий мрачный потолок, массивные колонны с затейливыми капителями, копировали наружные, точь-в-точь. Стены выложены из небеленого пористого известняка, в которые вделаны бочонки с медными тусклыми обручами и крапиками. На одной из стен, зловеще сверкала гирлянда из всевозможных образцов холодного оружия. Мечи и сабли проходили понизу – клинок к рукояти. Шпаги и палаши исходили от них под острыми углами вверх и вниз. Под ними на полу, хаотичной кучей, были свалены тяжёлые алебарды, арбалеты с небольшими лебедками для натяжения тетивы, булавы, кажется, даже аркебузы. В центре, на стене, несколько выше, находилась некая эмблема – гексаграмма из двуручных мечей, законцованная желтыми пластиковыми черепами. Всё это освещалось коптящими на колонах факелами. Ни одной электролампы!

– Фу! Какая мрачная стилизация под средневековье! —

Но здесь было некое, еще более, странное явление. В центре помещения, в полу зияла круглая дыра, метра три в диаметре. В ней гудело, и стонало, что-то надрывно, и мерцал отблеск огня, в глубине. Никаких ограждений, перил и прочих средств безопасности, вокруг неё не было!

Федя, весьма приблизительно, встав на цыпочки, определил, что глубина этого колодца: «...значительно превосходит глубину колодца Демокрита». Источник странного мерцания был где-то внизу, возможно на глубине нескольких километров.

– Готичненько... -подумалось Федьке.

Десяток грубых столов обожженного и полированного дуба располагались по спирали в, опасной близости, вокруг отверстия. Двое посетителей уже пребывали за вторым, от отверстия, столиком. И был ещё один, в дальнем – нишей – углу, слабо освещенном, коптящей сальной свечой. О внешности этого посетителя судить было весьма затруднительно. Весь он был скрыт под черным, с капюшоном плащом. Но изредка, проблёскивал из-под накидки и завесы смоляных косм, тяжким всплеском глаз. И этот взгляд можно было сравнить, разве что, со зловещим блеском стального клинка, вдруг освобождаемого от тесных ножен нетерпеливым невеждой.

Двое, что были неподалеку, походили на мальтийских кавалеров (хотя Фёдор, откровенно путал Госпитальеров с Тамплиерами), в предзакатный период развала ордена и финансовых передраг, но до того, как им занялся Император Павел Петрович и стал Великим Магистром Ордена...

Шляпы с широчайшими полями, золочеными бляхами и цветными страусиными перьями, шикарно валялись на столе. Края их, кавалеры мочили проливающимся вином, кое поглощали в большом количестве, из высоких кубков черного серебра. Были облачены они в чёрные камзолы с белыми симметричными крестами, под которыми проглядывали белые сорочки с кружевными лопастями воротничков, в черные кожаные штаны и высокие сапоги с металлическими, по носкам и голеням, вставками. Тяжелые черные плащи, с такими же крестами, и яркой изнанкой, были брошены на спинки высоких узких стульев, чёрного же дерева. Правыми руками кавалеры держали кубки, а левыми, грациозно опирались на эфесы с витыми гардами, вертикально водружённых, палашей.

Оружие, такой великолепной отделки, Фёдор видел, разве только, на фото из Оружейной Палаты Кремля.

Ошарашенный, подавленный, растоптанный этим костюмированным сном, Федя присел на каменных порожах.

Но тут появился некий объёмистый человек в шерстяной безрукавке, полотняных засаленных широких штанах, с плоским плешивым лбом и теменем, на коем прилип жидкий куделёк волос. Человечек был, к тому же, и обладателем мутного взгляда, и выпученных рачий глаз. Нос его был – настоящая перезрелая, обвислая слива, казалось пронюхивающая, ваши карманы насквозь.

– Прошу, – сказал он, напористо взяв руку Фёдора, и потащил к столу. Опасливо сторонясь отверстия в полу, тот последовал за шерстяным колобом, и опустился под массивной рукой на стул, задвинув под стол пачку с книгами.

Странный хозяин кафешки боязливо посторонился книг, но продолжал ковырять огромным тесаком, с рукоятью из копыта вепря, в зубах:

– Чего изволите, сударь? – грубо спросил он и добавил с ухмылкой: -мессир...

– Ну и?... Как всегда? Так, что ли? —

Рассеяно Фёдор кивнул и вспомнил, что «кафе» в старину, называли – «корчма»... А хозяин, стало быть – «корчмарь», который, ничего толком не объяснив, просто удалился и пропал, в не подсвеченном факелами, углу.

Теперь он различил слова беседы, которую вели кавалеры за соседним столом. Один из них, с обширной шевелю-

рой заходящей рок-звезды, патетически, будто отрабатывая текст киношной роли, произнес:

– Нордикус, нам не одолеть эту свору бродяг! Мессир не заботится о безопасности своих вассалов...

– Не спешите с выводами, Годвульф! Ведь он, всё-таки, пришёл! – перебил его другой, со страшными шрамами на благородном лице. Здесь имелся кивок в направлении Фёдора.

– Не обо мне ли речь? – усомнился он.

– Это ещё более осложняет ситуацию!

В противном случае ещё были, какие-то, надежды на успешное окончание предприятия. Хотя связь я нашёл, и смог бы поддерживать её так долго, сколько бы т о т был там, но он здесь, и круг замкнулся. Имеет место – тенденциозность пространственно-временного порока. Несовместимость пребывания объектов в одном континууме, системная объемная свёртываемость реальности...

Тон беседы был витиеватым, а смысл тёмным. Фёдор, решал – не вступить ли в полемику со странными незнакомцами, но тут угрюмый гражданин в безрукавке, свалил кушанья на его стол. Перемещая большой поднос, он не расставался со своим ножом, а наподобие пиратов Стивенсона, держал его в зубах.

Кушанья явились удивительные. Их было немного: тол-

стые кровяные колбаски, удавом свернулись на фарфоровом блюде, бок жареного поросёнка, час назад бегавшего по двору, а теперь залитого чесночным соусом, средняя щука с трюфелями. Была узкогорлая оплетенная соломой бутылка, с каким-то подозрительным пойлом и знакомый кубок чёрного серебра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.